

Мэри Туз

ЩЕРБЕР

ФИКТИВНЫЙ БРАК

Мэри Туз

Цербер

«Автор»

2026

Туз М.

Цербер / М. Туз — «Автор», 2026

— Я не выйду за него замуж, ты не имеешь права манипулировать мной через свою болезнь, — повторила я. Отец посмотрел на меня так, будто я неправильно ответила на простой вопрос. — Ты сейчас на эмоциях. — Какая неожиданность. Девушка, которую только что попытались выдать замуж как приложение к пакету акций, испытывает эмоции. Срочно вызовите юриста, пусть оформит это и задокументирует. — Сарказм не делает тебя свободной. — А твой договор делает? Он положил салфетку на стол. Ровно, угол к углу. Даже в скандале отец умел быть аккуратным до тошноты. — Если ты отказываешься, последствия будут немедленными и начнутся они сегодня. — Какие последствия? Он спокойно посмотрел на меня. И ответил всего одной фразой: — Сейчас узнаешь. -Обязательный Хэппи-энд#

© Туз М., 2026

© Автор, 2026

Мэри Туз Цербер

Глава 1

Влад рассказывал историю про друга, который решил приготовить ужин на первом свидании и случайно поджёт кухню.

История была средней, не такой уж и интересной, но сам Влад — красивый. С ним было легко. Он умел поддержать разговор, шутил, улыбался, и рядом с ним я чувствовала себя прекрасно, мне вообще было приятно проводить с ним время.

И того, как выяснилось, иногда достаточно, чтобы девушка с красным дипломом эконо-фака МГУ сидела в ресторане, смеялась чуть громче нужного и делала вид, что не замечает очевидных дыр в сюжете его истории.

— Он реально пытался тушить пасту шампанским, — сказал Влад и показал руками масштаб трагедии. — Представляешь? Паста, шампанское, девочка в платье за ползарплаты, которое он умудрился ей испортить. В общем, сплошная романтика.

— Надеюсь, он хотя бы на второе свидание ее позвал и не облажался, — сказала я саркастически.

— Даа, конечно, ха-ха-ха, а потом представляешь, она сама за него замуж просилась.

Я фыркнула, а Влад улыбнулся так, будто именно этой реакции и добивался. У него была красивая улыбка, такая тёплая, обворожительная, чуть самодовольная. Та самая, из-за которой я полгода делала вид, что его просьбы «занять деньги до завтра» — это не тревожный сигнал, а временные трудности взрослого мужчины, но ничего, ведь мне он очень нравится.

Мне он нравился, да, причём настолько, что иногда я ловила себя на мысли о том, как здорово было бы всегда быть рядом с ним: просыпаться вместе, создать семью, завести детей, однажды выйти за него замуж. Хотелось верить, что всё у нас получится, а его финансовые проблемы когда-нибудь останутся в прошлом.

Сегодня я не собиралась думать о временных трудностях, ведь сейчас был дорогой ресторан, свечи, приятная, уютная атмосфера, кьянти, его рука на моей ладони и маленькая бархатная коробочка, которую он положил рядом с моим клатчем.

— Это тебе, сюрприз тебе решил сделать, только дома открой, — сказал он.

Я старалась не смотреть на неё слишком часто, но сердце уже начинало биться быстрее.

Я еще раз посмотрела на коробочку и почувствовала, как где-то внутри поднимается глупая, подростковая надежда. Да нет, не кольцо. Конечно, не оно. Мы не настолько давно вместе, но надежда всё равно теплилась.

— Мне нужно в дамскую комнату, — сказала я, решила привести себя в чувство, чтобы не сидеть и не смотреть на коробочку как полная идиотка.

Влад поднялся, отодвинул мне стул и поцеловал нежно руку.

— Не торопись, малыш, я здесь, вечер только начинается.

В дамской комнате я поправила помаду, проверила телефон. Катя прислала три сообщения подряд:

«Ну что?»

«Он уже сделал вид, что загадочный?»

«Если там кольцо сначала обязательно сфоткай и пришли мне».

Я написала: *«Дурочка»*. Потом добавила сердечко.

Когда я вышла обратно в зал, сначала не поняла, что не так.

Вроде все было нормально, столик на месте, свечи горели, мой бокал стоял там же и коробочка, которая лежала рядом с клатчем.

Но только стул Влада был пуст. Я оторопела. Медленно провела взгляд по залу.

Где же он?

Может, отошёл к бару. Может, позвонили. Может тоже в уборную отошел.

Потом я увидела мужчину на месте Влада. Я его узнала в ту же секунду.

Артур Громов - цербер моего отца. Он сидел напротив моего салата так, будто ресторан, столик и весь вечер были просто частью его рабочего графика.

Тёмный пиджак, белая идеально выглаженная рубашка. Стакан виски в руке, я смотрю хорошо освоился. Лицо спокойное до такой степени, что хотелось проверить, живой ли он вообще. Его ладонь вальяжно лежала на спинке стула.

— Что ты здесь делаешь? — злобно сказала я.

Он поднял глаза.

— Добрый вечер, Агата— непринужденно ответил он.

— Нет, не добрый вечер, это мой вечер и тебя в нём быть не должно. — Где Влад?

Артур посмотрел на меня спокойно и отрезал.

— Он ушёл.

Я рассмеялась коротко и зло, Громов умел вызывать во мне эмоции своим супер спокойствием.

— Куда ушел? В туалет? На улицу? В астрал? Конкретнее скажи, Громов.

— Не знаю куда, но здесь его больше нет.

— Врёшь. Что происходит? Что ты с ним сделал?

Он не стал мне ничего отвечать и спорить со мной, просто взял со стола счёт и повернул его ко мне.

— Не оплатил даже, смотри.

— Мне не важно оплатил – не оплатил, мне важно что ты с ним сделал — сказала я.

— Ничего такого, просто с ним поговорил.

— Люди после твоих разговоров обычно сбегают?

— Только если им есть чего бояться.

Я села напротив, ноги решили, что стоять в этом платье, на этих каблуках и при этом сохранять лицо — слишком амбициозная программа.

— Ты вообще кто такой, чтобы лезть в мою личную жизнь, а?

— Я просто человек, выполняющий свою работу.

— Прекрасно, личный цербер с доставкой к ужину.

Громов никак не отреагировал.

— У Виктора Сергеевича к тебе очень серьёзный разговор, он ждет тебя сейчас, поехали.

— Нет, не поеду. Ты вообще адекватен? У меня свидание, вообще-то.

— Свидание закончено, ты все равно поедешь.

Я взяла телефон и набрала Влада. Сейчас я выясню что тут происходит.

Не берет трубку, слышу только гудки, один, второй, третий. Потом вызов просто сбросился.

Я набрала снова.

— Он не ответит, не пытайся— сказал Артур.

— Заткнись, тебя забыла спросить.

Я положила его на стол экраном вверх, руки предательски начали дрожать, впрочем я и не скрывала своего раздражения.

— Что ты ему такого сказал?

— То, о чём тебе лучше спросить у него.

— Здесь нет его, Артур! Здесь есть только ты! Я спрашиваю тебя!

Он несколько секунд молчал, затем сказал:

— Я показал ему документы, — сказал он наконец.

— Какие документы? Ты о чем вообще?

— Показал его долги, просрочки. Несколько неприятных связей, о которых он предпочитал молчать.

Я почувствовала, как внутри всё закипает.

— Ты что, следил за ним?

— Я проверял человека рядом с тобой.

— Ты не имел права так делать.

— Имел поручение.

Во мне будто что-то оборвалось, нет... даже не так, не оборвалось, а взорвалось с такой бешеной силой, что хотелось просто перевернуть этот стол, разбить все бокалы вокруг и стереть с лица Артура его проклятое спокойствие. Потому что ещё несколько минут назад этот вечер казался идеальным, я смеялась, отдыхала, а теперь я сидела напротив человека, который одним своим появлением превратил этот вечер в руины.

Я посмотрела на Артура и вдруг очень ясно поняла, почему ненавижу его уже пять лет.

Не за его холодность и не за молчание, а за то, что для него моя жизнь всегда была очередной задачей. Сегодня его задачей было отвезти меня к отцу.

Глава 1.1.

— Поехали — сказал он.

— Я никуда с тобой не поеду, — сказала я.

— Поедешь.

— Громов, прекращай командовать, ты мне никто.

— Агата, разговор правда очень серьёзный, тебя ждет отец.

В его голосе что-то изменилось. Совсем немного. Если бы я не смотрела на него так зло, могла бы пропустить.

Не приказ. Не угроза. Предупреждение.

И от этого стало страшнее.

Ночной воздух ударил в лицо, как пощёчина.

Хорошо. После ресторанного тепла и унижения мне как раз не хватало ещё одного удара по коже.

Я вышла первой, почти выбежала. Каблуки скользили по мокрому асфальту, платье липло к ногам, телефон в руке показывал вызовы Владу. Все без ответа. Что-то случилось у Влада, что-то срочное, поэтому Влад ушел, конечно, а Громов просто придумал все, чтобы я поехала с ним.

Артур шёл рядом, не торопясь.

Это бесило сильнее всего. В нём не было ни капли суеты. Он только что разрушил мой вечер, выгнал моего парня, оплатил мой ужин и теперь двигался к чёрному внедорожнику так, будто просто выполнил пункт расписания.

— Я доеду сама — сказала я.

— Машина уже здесь.

— Твоя — возможно, моя будет через три минуты.

Я открыла приложение такси. Палец промахнулся мимо кнопки, потому что руки дрожали. Прекрасно. Даже телефон решил выступить свидетелем моего позора.

Артур остановился у пассажирской двери и разблокировал машину.

— Садись.

— Нет, с тобой я точно никуда не поеду.

— Агата.

— Не произноси моё имя так, будто оно служебная команда.

Он выдохнул. Почти незаметно.

— Твой отец ждёт.

— Передай ему, что я занята. Меня только что оставили одну в ресторане. У меня по расписанию сегодня минимум десерт как утешение.

— Десерт отменяется.

— Да кто ты такой чтобы указывать мне? Я сама решу, что мне делать.

Я шагнула назад, чтобы уйти, он перехватил мой локоть.

Не больно. Сквозь тонкую ткань платья прошло тепло. Я перестала дышать на секунду — и тут же разозлилась на собственное тело, которое вздумало реагировать раньше головы.

— Убери руку.

— Сначала сядь в машину.

— Я не пакет с документами, Громов. Меня нельзя забрать из ресторана и доставить к папе под подпись.

— Давай будем спорить по дороге.

— А можно я буду спорить не с тобой?

Я дёрнула локоть. Он отпустил сразу.

Настолько сразу, что от неожиданности я чуть не потеряла равновесие и врезалась плечом в дверь внедорожника. Артур не схватил меня снова. Только поднял руку, готовый подстраховать, и тут же опустил, когда я на него посмотрела.

— Не трогай меня.

— Хорошо.

— И не командуй.

— Не получится.

— Что?

— Не командовать не получится, мне поручено привезти тебя к твоему отцу.

Я рассмеялась. Смех вышел нехороший.

— Конечно. Поручено. Приказано. У тебя вообще бывают собственные слова, глаголы, прилагательные?

Он посмотрел на меня долго. Под фонарём его лицо казалось резче: скулы, тень от ресниц, сжатая челюсть. На секунду мне показалось, что он скажет что-то нерабочее.

Не сказал.

— Разговор у твоего отца не может ждать.

— Всё может ждать, даже конец света, если у него нет пропуска через охрану.

— Этот разговор не может.

Я перестала улыбаться.

Вот это было уже неприятно. Артур не давил сильнее, не повышал голос, не тащил меня в машину. Просто стоял слишком спокойно для человека, который привёз плохую новость.

— Что случилось такого, что не может подождать? — спросила я.

— Он сам тебе скажет.

— Нет, так не пойдёт. Вы все разом не можете играть в таинственных мужчин. Один сбежал со свидания и не берет трубку, второй молчит как рыба, третий ждёт дома. Я устала от мужских недосказанностей на сегодня. Говори сейчас.

Артур открыл пассажирскую дверь.

— Я знаю только, что разговор очень серьёзный.

— И что я должна делать с этой информацией? Ты понимаешь что это не ответ?

— Это единственный ответ, который я могу дать сейчас. Если скажу больше — нарушу чужое доверие.

Я испугалась того, что ждало меня дома.

Глава 1.2

Он снял пиджак и протянул мне.

Я посмотрела на вещь так, будто он предложил мне надеть наручники. А потом поймала себя на мысли что если он и дальше продолжит заботиться обо мне, то возможно я не смогу это так просто забыть.

— Ты издеваешься?

— Ты замёрзла, держи—спокойно сказал Артур.

— Это не повод раздеваться рядом со мной.

— Агата, возьми пиджак или сядь в машину. А лучше и то и другое.

Я проигнорировала его слова и не надела пиджак.

Несколько секунд мы стояли у открытой двери внедорожника и просто молчали как два тукана.

Влад не перезванивал, почему он не берет трубку? Я не могу уехать без Влада.... Вдруг он где-то ждет меня, а молчание телефона добивало меня еще больше.

Поэтому я набрала ещё раз, но вызов ушёл в пустоту.

— Если я сяду в машину, — сказала я грозно, — это не значит, что ты победил.

— Это не соревнование.

— Для людей вроде тебя всё соревнование.

— Для людей вроде меня главное, чтобы ты доехала.

Я села в машину, потому что иначе разревелась бы прямо на улице. А я лучше умру, чем разревусь перед Артуром Громовым. Дверь салона закрылась мягко, Артур сел за руль, я как обычно отвернулась к окну, не хочу лишний раз его видеть. Решила сразу его предупредить, чтобы даже не пытался ничего сказать мне.

— Если попробуешь читать мне лекцию, я выйду на первом светофоре.

— Не буду.

Он не отвернулся сразу. На секунду взгляд задержался у меня на лице дольше, чем позволяла рабочая дистанция, и я успела увидеть там что-то не совсем служебное, трещину в броне, которую он тут же закрыл.

Я сжала телефон так, что заболели пальцы, и всё равно смотрела на экран ещё какое-то время.

Телефон молчал, Влад так и не взял трубку и не перезвонил. Как же бесит вся эта ситуация.

Я молчала почти всю дорогу, да и говорить было нечего, во мне кипела злость, и если бы я открыла рот, из него вышло бы что-нибудь такое, после чего пришлось бы либо извиняться, либо продолжать до уголовного дела.

Москва за окном расплывалась мокрыми огнями. Витрины, светофоры, люди под зонтиками, пары у входов в бары. Нормальная пятница, обычные нормальные жизни. Кто-то ссорился, кто-то ожидал такси, кто-то целовался под козырьком.

А я ехала со свидания к отцу в машине мужчины, которого называла личным цербером, и ждала объяснения, которое мне никто не собирался давать заранее.

Телефон лежал на коленях в ожидании звонка. Но Влад так и не звонил.

Я перевернула телефон экраном вниз. Через минуту снова перевернула. Ничего.

— Он мог просто тебя испугаться — сказала я Артуру.

Артур не сразу ответил.

— Мог.

— И это не значит, что он плохой — вдогонку сказала я.

— Да.

— Он мог испугаться, особенно когда к нему подходит человек с лицом налоговой проверки и папкой компромата.

— Люди по-разному ведут себя после испуга.

— Хочешь сказать, ты бы не сбежал?

— Нет.

— Конечно, извините. Ты бы стоял и умирал с прямой спиной и задранным кверху носом.

— Я бы сначала понял, за что умираю.

Я посмотрела на него.

На дороге свет фар выхватывал его профиль кусками: лоб, скулу, руки на руле. Он был спокоен. Слишком спокоен, но не равнодушен. Я уже начинала различать эту неприятную разницу.

— Ты всегда так разговариваешь? — спросила я.

— Как так?

— Коротко, так, будто каждое лишнее слово стоит усилий и кучу денег.

— Просто привычка, не вижу смысла устраивать словесную драму.

— Я думаю это от моего отца, ты слишком много времени проводишь с ним, просто научился так общаться.

— Нет, это скорее от жизни. А вообще, я бы не сбежал, особенно от любимой женщины. Прекрасно, ещё и загадочный.

Я отвернулась к окну, но это не помогло. В стекле мелькал его профиль: тёмный, с фарами, скользящими по скуле, с ладонями на руле, в которых не было ни грамма лишнего. Сиденье подо мной было тёплым, и я поняла это не сразу — значит, прогрелось давно.

Подогрев сидения он включил молча. Забота, которую нельзя было назвать вслух, потому что тогда пришлось бы признать в Громе человека. Я отвернулась ещё раз, нарочито, и злилась уже на то, что вообще заметила.

В клатче лежала бархатная коробочка. Я не открыла её как Влад и просил. Может, там вообще сережки, браслет, ожерелье или еще много чего. Но часть меня всё ещё боялась увидеть там не кольцо.

Но ситуация смешная. Меня игнорят, не берут трубку, а я всё ещё переживаю, что там в коробочке.

— Куда мы едем? — спросила я.

— К Виктору Сергеевичу.

— Это понятно, капитан очевидность, в квартиру или в загородный дом?

— В загородный дом.

Я закрыла глаза и представила то место. Парк рядом с домом, охрана у ворот, запах маминых духов в коридорах, отец в своём кресле у камина. Загородный дом был не домом, а декорацией власти. Там даже тишина звучала так, будто у неё есть юрист.

— Он мог позвонить, если хотел поговорить.

— Он не хотел по телефону.

— Артур, скажи честно, тебе не обидно быть семейным курьером?

— Нет.

— Нет, потому что у тебя нет чувств?

Он включил печку сильнее.

— Нет. Ты наверное замёрзла.

Я замолчала.

Вот так он делал постоянно. Не отвечал туда, куда я била. Уходил в действие. Печка, оплаченный в ресторане счёт, пиджак. Забота без права назвать её заботой, потому что тогда пришлось бы признать, что не только отцовский инструмент.

Я не собиралась признавать.

— Я не просила тебя об этом, — сказала я.

— Знаю.

— Поэтому не благодарю.

— Знаю.

— Тебя это не раздражает?

— Раздражает.

— А меня раздражает что ты отвечаешь мне как робот....

Я неожиданно фыркнула.

Он не улыбнулся, но уголок рта едва дрогнул. Или мне показалось?. Лучше пусть показалось.

Машина выехала на более тёмную дорогу. Огней стало меньше, деревьев больше. Чем ближе мы были к дому отца, тем сильнее во мне поднималось старое чувство: меня возвращают. Не в место, а в состояние. *"Доченька, сядь. Доченька, послушай. Доченька, папа знает лучшие"*.

— Что он хочет? — спросила я.

Артур помолчал.

— Я не знаю всего.

— Это честный ответ или тебе так удобно?

— Оба.

— Ты давно знал про Влада, про его долги и прочее?

— Достаточно давно.

— И молчал.

— Да.

Я повернулась к нему всем корпусом.

— Почему?

— Потому что это было не моё решение.

— Моя жизнь — вообще моё решение?

Он посмотрел на меня коротко. В этом взгляде не было привычной брони полностью. Только на секунду.

— Должна быть, — сказал он.

И снова на дорогу.

Вот это было уже совсем нечестно.

Сказать почти правильную вещь после всего, что сделал. Подсунуть мне фразу, в которую хочется поверить, и тут же спрятаться за руль.

— Если так, начни с себя, — сказала я. — Не вези меня туда.

— Не могу.

— Ты просто не хочешь, я конечно понимаю, это твоя работа, но самому то как, рушить чью-то жизнь?

Он не ответил. Я отвернулась, говорить с ним не было смысла.

Телефон все еще молчал.

На подъезде к посёлку Артур положил мне на колени свою куртку.

— Я же сказала, не надо.

— Ты дрожишь.

— Я не замерзла, это от злости.

— Тогда пусть злость будет в куртке.

Я хотела швырнуть её обратно, правда хотела. Но ткань была тёплая, а я действительно дрожала. Поэтому я оставила куртку на коленях, не надевая, и сделала вид, что это стратегический компромисс.

Через несколько минут мы въехали в посёлок. Охранник у ворот узнал машину и поднял шлагбаум без вопросов. Гравий зашуршал под колёсами. Машина остановилась у крыльца.

Я не вышла сразу. Сидела, сжимая телефон и край куртки, и смотрела на дверь. За ней был отец. За ним — разговор, который нельзя по телефону. За мной — ресторан и Влад, который так и не перезвонил.

— Агата, — сказал Артур.

— Если ты сейчас скажешь «приехали», я тебя укушу.

Он выдержал паузу.

— Хорошо.

Потом он вышел, обошёл машину и открыл мою дверь. Ночной воздух пах хвоей, мокрой землёй и домом, из которого я когда-то очень старалась вырасти.

Артур протянул руку. Я не решилась взять ее.

Вышла сама, на каблуках, с его курткой, с клатчем в руке и с лицом человека, который ещё не знает, что через несколько минут его жизнь окончательно переставят на другое место.

— Ведите, цербер, — сказала я.

Артур закрыл дверь машины и пошёл к дому, я пошла следом за ним.

Тогда я ещё не подозревала, что именно в этот вечер он объявит решение, которое разделяет мою жизнь на «до» и «после».

Глава 2

Дом встретил меня мамиными духами, ее любимыми Chanel No. 5 или отцовской версией памяти о них: слишком тяжелой, настойчивой, будто он не распылял аромат, а пытался законсервировать прошлое в воздухе.

В такие моменты дом успевает вцепиться за душу, открыть старые воспоминания, вспомнить истории, вспомнить детство.

Паркет под каблуками был тот же: тёмный дуб, отполированный до мягкого блеска. Латунная стойка для зонтов, большое зеркало у стены, чаша для ключей на консоли. Всё на месте. Даже моё старое раздражение на то, что здесь никогда ничего не менялось.

Я не была здесь почти месяц.

Последний раз хлопнула этой самой дверью после очередной ссоры с отцом, собрала чемодан и переехала к Кате, поклявшись, что не вернусь, пока он не перестанет считать мою жизнь своим проектом.

Артур вошёл следом и закрыл дверь.

Его куртка всё ещё была на моих плечах. Я сняла её и протянула назад, не оборачиваясь.

— Забери.

Наши пальцы случайно соприкоснулись, всего на мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы по коже пробежало странное, предательское тепло. Мне... понравилось. Я тут же разозлилась сама на себя. Что за глупости? Это всего лишь случайное прикосновение.

Всего лишь Артур.

Я резко отдёргнула руку, будто обожглась.

— Будь аккуратнее.

Из глубины дома тянуло дымом. Каминный зал. Конечно.

Отец любил камин так, будто огонь подтверждал его право владеть всем вокруг: домом, холдингом, людьми, мной. Даже летом он мог приказать разжечь дрова, потому что «в доме должен быть центр». Мама закатывала глаза и открывала окна.

Я прошла по коридору, в сторону камина.

Артур держался на полшага позади. Не рядом, но и не далеко.

— Так ты все же знаешь, о чём будет разговор? — спросила я.

Он ответил не сразу, будто замешкался.

— Знаю, что он будет серьёзным.

— Как удобно, можно сказать правду, не сказав ничего.

Я почти хотела, чтобы он возразил, но он промолчал. Громов выбрал самый невыносимый вариант: остановился у двери каминного зала и открыл её передо мной, пропуская меня внутрь.

— Проходи, он ждёт.

— Все сегодня чего-то ждут, и он тоже подождет!

Я просверлила его взглядом, но все-таки вошла, причем одна.

Камин горел ярко. Рыжий свет лежал на персидском ковре, на кожаных креслах, на полках с книгами, которые никто давно не открывал. В детстве этот зал казался мне огромным. Потом я выросла и поняла, что огромным был не зал, а отец в нём.

Он сидел в своём кресле слева от огня. И выглядел каким-то больным.

Не просто «устал после трудного дня». Он выглядел именно больным. Тёмно-синий шёлковый халат висел на плечах свободно, будто тело внутри уменьшилось за время моего отсутствия. Лицо было бледным, под глазами легли тени, левая рука на подлокотнике казалась тоньше, чем я помнила. На безымянном пальце — мамино кольцо, создалось ощущение, что оно сидело неплотно.

Я забыла подготовленную злость.

Не всю. Я не святая, но часть её провалилась куда-то.

— Доченька, — сказал отец.

Голос был тише обычного. Сухой, с паузой перед вторым слогом, как будто ему пришлось рассчитать дыхание.

— Что происходит? — спросила я.

— Садись.

— А что, стоя у меня больше шансов выжить?

Это было хуже приказа, его "садись".

— Тогда стой, раз тебе так легче.

На столике у кресла стояли два бокала и графин с коньяком. Один бокал был пустой, для меня.

Я обернулась.

Артур стоял у двери. Не в комнате полностью, но и не за порогом. Куртку он уже повесил на стигб руки. Лицо рабочее, закрытое. Только челюсть чуть напряжена, и взгляд, на секунду задержавшийся на моей руке там, где только что были его пальцы, но он тут же быстро увел его в сторону.

— Он тоже будет присутствовать? — спросила я.

— Да, — сказал отец.

— Замечательно, семейная сцена с приглашённым цербером.

Артур оставался спокоен как танк.

Отец указал на кресло напротив себя.

Я села.

Кожа кресла была тёплой от камина и знакомой до злости. В этом кресле я читала сказки, делала уроки, просила у отца собаку и получала вместо собаки новый курс английского. Это кресло помнило девочку, которой ещё можно было объяснить всё словом «надо».

Я положила аккуратно клатч на колени, помня, что внутри лежала бархатная коробочка, подаренная Владом.

Какая прекрасная ночь. Просто коллекция унижений, аккуратно разложенная по отделам.

Отец налил коньяк в мой бокал.

— Я не буду.

Он убрал графин.

— Как хочешь.

И снова эта мягкость. Не добрая. Подготовленная.

— Говори, к чему такая срочность, ты вообще знаешь что сделал твой цербер? Испортил мне свидание— сказала я раздражительно.

Отец посмотрел на огонь, потом на меня и проигнорировав мои возгласы сказал как отрезал.

— Я болен.

Слова прозвучали тихо, но в комнате стало так ясно, будто кто-то включил холодный верхний свет.

Я сжала клатч.

— Как это? Как болен? Чем?

— Достаточно болен, чтобы серьезно с тобой поговорить.

— Не может быть... Что говорят врачи?

— У меня рак, врачи говорят год мне осталось пожить, может быть, полтора, если повезет.

Воздух вышел из лёгких не сразу. Сначала тело решило, что ослышалось. Потом мозг услужливо повторил: год, полтора, рак. Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось. В голове вспыхнула совершенно ненужная память.

Вспомнила как Катя смеётся на кухне, мы сидим и едим лапшу из доставки.

Я закатываю глаза и говорю:

— Пусть отец хоть неделю посидит один. Может, поймёт, что я не вещь.

Тогда это казалось победой, сейчас воспоминание ударило так, будто кто-то со всей силы вжал его мне под рёбра.

Пока я училась жить без него... он, возможно, учился жить с мыслью, что умирает.

Я посмотрела на Артура, он отвёл глаза.

И именно в этот момент я поняла: он знал больше, чем сказал в машине.

— Почему я узнаю об этом сейчас? — спросила я у него.

Отец провёл большим пальцем по маминому кольцу. Одно было на его руке. Второе, обручальное, он хранил в сейфе, но я знала, что иногда он его достаёт.

— Потому что до сегодняшнего дня я надеялся решить всё без твоего участия.

— Что решить без моего участия?

— Холдинг, наследство, безопасность семьи.

— При чем здесь это? Тебе нужно сейчас думать о себе, о здоровье.

— А я и думаю о себе и здоровье, у меня семь заводов, шестнадцать юридических лиц, контракты, люди, обязательства. После моей смерти начнётся борьба. Совет директоров, дальние родственники, партнёры, которые улыбаются, пока я жив. И я понимаю, ты не удержишь всё одна в своих руках под контролем.

— Спасибо за веру.

— Это не вопрос веры. Это вопрос опыта.

— Удобная формулировка, когда хочешь назвать дочь беспомощной.

Отец устало прикрыл глаза.

На секунду мне стало стыдно. Он выглядел так, будто каждый мой укол действительно попадал в больное место.

— Мне нужен человек, которому я доверяю, — сказал он. — Человек, который войдёт в семью и в управление. Не как временный директор. Мне нужен свой человек.

Всё в комнате складывалось слишком аккуратно: Артур у двери, его молчание в машине, странная мягкость отца, этот разговор у огня.

И всё равно, когда отец произнёс имя, внутри что-то коротко провалилось.

— Артур.

Я медленно повернулась к Громову.

Он стоял неподвижно. Не удивился даже, когда отец произнес его имя. Не сделал ни одного жеста человека, которого только что втянули в безумие.

Значит, не втянули. Он уже был внутри него, внутри безумия.

— Нет, не говори что ты сейчас про него — сказала я.

Отец продолжил, будто я не говорила.

— Да, про него, ты выйдешь замуж за Артура. Регистрация через две недели. Свадьба закрытая, гостей будет немного. Мне нельзя толпу.

— Что? Скажи, что мне послышалось, я наверное не так поняла тебя?

— Брачный договор подготовят юристы. Твоя доля будет защищена.

— Нет! Нет!

Я ударила ладонью по столу. Бокал подпрыгнул так, что коньяк отца выплеснулся на дерево.

— Ты только что сказал, что умираешь! Какая свадьба???? Я пытаюсь понять, как тебя спасти, а ты... обсуждаешь мою свадьбу?! Ты вообще слышишь себя? Это какая-то чудовищная шутка? Меня кто-нибудь здесь вообще слышит?

Я встала и уже собиралась покинуть это место, как отец сказал.

— Агата, давай без лишних эмоций, я устал, принимай решения с холодной головой, выдохни, успокойся, налей коньяк в конце концов, тебе нужно расслабиться.

— Эмоции? Папа, ты только что сказал, что умираешь, и через минуту говоришь мне выйти замуж за твоего начальника охраны. Это не эмоции. Это нормальная реакция на бред, извини конечно, но может у тебя с головой проблемы? Я не хочу обидеть тебя, но это выглядит как бред сумасшедшего.

— Агата, я в здравом уме всё ещё, и Артур давно не начальник охраны.

— Какая разница?

— Большая. Артур управляет безопасностью холдинга, знает структуру, людей, риски.

Он предан семье.

Артур сделал шаг в комнату.

— Виктор Сергеевич...

— Не сейчас, подожди Артур— сказал отец.

Артур остановился. Послушный. Конечно. Я рассмеялась.

— Да, действительно, идеальный кандидат на роль мужа. Выполняет команды до того, как мы поженились.

Громов посмотрел на меня, и в его глазах не было ни ожидаемого холода, ни привычной мужской обиды. Только бесконечная, выматывающая усталость. Ему явно претила эта сцена. Он выглядел человеком, которого против воли заставили играть чужую, глубоко неприятную ему роль.

Это было нечестно. Я хотела видеть в нём соучастника, а он почему-то выглядел как человек, которому тоже не нравится собственная роль.

— Скажи ей, — произнёс отец.

Артур перевёл взгляд на него.

— Что именно?

— Что ты согласен.

Я перевела взгляд на Артура.

Он молчал.

Конечно.

— Только не смей... не говори, что ты согласился.

Только не говори, что вы обсуждали это за моей спиной.

Пауза длилась недолго, но я успела прожить в ней несколько неприятных версий мира.

Артур поднял на меня глаза и впервые за весь вечер в них не было привычного спокойствия.

Он медленно вдохнул.

— Я...

Глава 2.1.

Потом Артур сказал:

— Я согласен.

Тихо, в голосе не было ни капли торжества. Сказал так, будто даже и не попытался смягчить ситуацию.

Лучше бы он улыбнулся. Лучше бы выглядел довольным, жестоким, самодовольным ублюдком. Таким, как бывает в плохих фильмах. Тогда можно было бы ненавидеть без примесей. А он просто стоял и смотрел на меня так, будто каждое слово оставляло след и у него самого.

— Поздравляю, — сказала я и медленно, с показным энтузиазмом, несколько раз похлопала в ладоши. — Жених найден, невесту забыли спросить. Но это мелочь.

— Агата, — отец снова заговорил тише. — Я не отдам тебя первому мужчине с улицы. Я выбрал того, кто не предаст.

— У меня уже есть мужчина.

Отец усмехнулся.

Вот тут я поняла, что следующий удар будет про Влада.

Я краем глаза поймала, как Артур у стены чуть отвёл взгляд. Не на меня, не на отца — куда-то в камин, как человек, которому неприятно стоять здесь и слышать всё это. Пальцы его, расслабленные до этого, сжались в кулак.

— У тебя был Влад, — сказал отец. — И это отдельная ошибка.

— Не смей о нем так говорить, ты ничего про него не знаешь, он веселый, добрый....

— А я знаю о нем, ровно столько, сколько нужно, долги, кредиты. Тебе этого мало видимо?. Потом две подтверждённые измены. Одна в Москве, одна в Петербурге. Попытки выйти на мои контакты без твоего ведома. Он хотел не тебя, доченька, он хотел доступ к моим финансам, понимаешь?

Я почувствовала, как к лицу приливает кровь, злость подкатила резко.

— Ты следил за ним? Вы оба?

— Я проверял человека, который крутился возле моей дочери.

— И молчал все это время?

— Ждал, что ты сама увидишь какое ничтожество рядом с тобой.

— Как благородно. Сначала наблюдать, а потом использовать это как аргумент для брака с другим. И вообще, я тебе не верю, очень удобно придумать такую историю про Влада сейчас.

— Я вытащил тебя из ловушки, ты должна быть благодарна мне.

— Нет. Ты переставил меня из одной гипотетической ловушки в другую реальную и назвал это спасением.

Отец больше не улыбался.

— Влад сбежал сегодня, потому что понял масштаб. Артур остался. Разница существенная.

— Да это неправда, я не верю в это, Влад просто занят, у него срочные дела, он перезвонит и объяснит мне все, а вы мне все лжёте. Влад не такой, ну да, у него трудности с деньгами, я знаю, я сама ему занимала деньги, но это не страшно, с каждым бывает. А по поводу измен, так я даже знаю, это скорее всего.....ах, да, точно, у него в Питере есть сестры, наверное, это про них ты говоришь. И вообще, что я тут распинаюсь. Все, мне надоело слушать бред, до свидания.

Отец поднялся из кресла.

Медленно. Будто ему было тяжело. Или будто он хотел, чтобы я видела, как ему тяжело.

— Агата, разговор не закончен.

— Для меня закончен.

— Ты выйдешь за Артура, это не обсуждается.

Я остановилась у двери.

— Нет, я сама решу за кого мне выходить замуж., вот у меня в клатче вообще кольцо от Влада, он сделал мне сегодня предложение — соврала я.

— В этой семье решения принимаются головой, а не криком и эмоциями.

— Отлично. Тогда я ухожу молча. Если это последнее, что ты хочешь оставить мне перед смертью... лучше вообще ничего не оставляй.

И вышла. Я дошла до своей комнаты на автомате. Прошла мимо библиотеки, где мама читала мне в детстве «Алису». Мимо гостиной, в которой подружка Катя однажды спряталась в день моего рождения, потому что «слишком много богатых тётъ, я задыхаюсь». Мимо закрытой двери маминого кабинета, куда я не заходила с похорон.

Дом подсовывал воспоминания, как плохой официант блюда, которые я не заказывала.

Я вошла в комнату и заперлась.

Комната почти не изменилась. Обои в мелкую розочку, книжная полка, узкая кровать, покрывало с бабочками. На подушке сидел коричневый медведь с одним глазом и криво пришитым носом.

Мишка.

Конечно, он помнил, как меня зовут. В отличие от всех взрослых в этом доме, которые сегодня называли меня то дочерью, то наследницей, то будущей женой, но ни разу — человеком.

Я села на пол у двери. Потом всё-таки сползла ниже, на ковёр, потому что ноги отказались делать вид, что держат меня из принципа.

Клатч упал рядом. Из него высыпались помада, ключи, телефон и та самая бархатная коробочка.

Коробочка остановилась у ножки кровати.

Я смотрела на неё долго, прежде чем открыть.

Каково было мое разочарование, когда я увидела там сережки, а не кольцо. Теперь хотелось открыть окно и выбросить их.

Но окно было далеко, а я сидела на полу и плакала.

Плакала истерично, навзрыд. Не как взрослая девушка из приличной семьи. Просто плакала, уткнувшись лицом в Мишку, которого взяла с подушки и прижала к груди.

Когда слёзы чуть отпустили, я взяла телефон.

Куча пропущенных Владу. Ни одного от него. Почему-то.

Я набирала снова и снова.

Гудки шли так долго, что я успела возненавидеть и себя, и его, и эту маленькую надежду, которая всё равно поднимала голову после каждого сигнала.

Каждый следующий гудок звучал как маленькая надежда.

"Сейчас ответит."

"Сейчас скажет, что уже едет."

"Сейчас скажет, что отец сошёл с ума и мы обязательно что-нибудь придумаем."

На пятом гудке он наконец-то ответил.

— Малыш?

— Влад, — сказала я второпях, параллельно вытирая слезы на щеке. — Скажи, что отец врёт.

Длинная пауза, которая слишком затянулась.

— Где ты? — сухо спросил он.

— Я дома, у отца.

— Понятно.

Никакого «я сейчас приеду». Никакого «что он сделал». Никакого даже плохого геройства, которое можно было бы потом высмеять.

Ничего такого. Сердце вдруг забилося так быстро, что стало трудно дышать.

— Он сказал, что я должна выйти за Артура, — произнесла я, захлебываясь в слезах. — Через две недели. Не молчи, пожалуйста.

Я сказала это и ждала его реакции, хотя бы наподобие этого:

"Ты с ума сошла? Сейчас я приеду, не плачь."

"Такого не будет никогда, я не отдам тебя ему."

"Мы уедем."

Но Влад только тяжело выдохнул, а потом сказал.

— Агат, слушай...

Я закрыла глаза.

Вот оно. Уже не «малыш». Уже «Агат». Я поняла, сейчас он скажет что-то плохое, возможно даже трусливое.

— Я не полезу в это, я не собираюсь воевать с твоим отцом.

Очень быстро. Почти одним словом.

Я сидела на полу в детской комнате, в платье, которое надела для него, с его подарком у кровати, с медведем в руках. И слушала, как мужчина, которого я собиралась выбрать, выйти за него замуж, аккуратно отступает назад.

Слёзы уже текли ручьём. Я даже перестала их вытирать. Они сами катились по щекам, капали на платье, на руки, которыми я продолжала сжимать плюшевого медведя.

Нос предательски заложило, из-за чего воздуха почти не хватало.

Я судорожно вытерла размазанную тушь ладонью, но только сильнее размазала её по лицу.

— В это? — повторила я.

— Да в это, твой отец мне уже позвонил после ресторана, он достаточно доходчиво мне объяснил, что если я ещё хоть раз появлюсь рядом с тобой... то потеряю гораздо больше, чем у меня сейчас есть. Он не даст мне житья.

Я смотрела в одну точку.

Не верила.

— И... всё? — прошептала я.

— А что, для тебя это мало? Агат, ты с деньгами, твой папаша может пол города купить в два щелчка. У меня же свои проблемы, свой хоть и маленький, но бизнес. Твой отец... Агата, это не тот человек, с которым можно бодаться. И Артур тоже. Ты не понимаешь.

Я всхлипнула, вытирая размазанную тушь ладонью.

— Я понимаю, Влад... Я всё понимаю.....

Я уже плакала навзрыд. Нос совсем заложило, воздуха не хватало, каждое слово давалось с трудом.

— Но мы же можем уехать... — я судорожно вдохнула. — Давай просто исчезнем. Хоть завтра, хоть вот прямо сейчас, у меня все есть, мне только документы забрать и все, уедем в другой город, можно вообще за границу уехать, он нас не найдет.

Я сама не заметила, как начала говорить быстрее.

— Я всё оставляю. Дом, деньги, фамилию, наследство... Мне ничего этого не нужно.

Я крепче прижала телефон к уху.

— Мне нужен только ты.

По щекам снова потекли слёзы.

— Мы снимем маленькую квартиру... Я найду работу, у меня же высшее образование, думаю найду быстро... Ты будешь заниматься своим бизнесом... Мы справимся, будем вместе.

Я улыбнулась сквозь слёзы, сама не понимая, откуда ещё берётся эта надежда.

— Я ведь не прошу невозможного...

Мой голос совсем сорвался.

— Я просто прошу... выбрать меня.

Глава 2.2.

Повисла тишина.

Такая долгая, что я уже знала ответ. И всё равно продолжала ждать. Я хотела знать ответ на очень важный для меня вопрос, поэтому решительно спросила.

— Отец сказал... что ты мне изменял...это правда?

— Ох, я не буду ничего объяснять, в этом нет смысла, не надо так говорить так.

— Как?

— Будто я обязан умереть за твою драму.

Вот теперь стало тихо.

Не в комнате. Внутри.

— Господи, что ты несешь? — сказала я.

— Агат... Нет, правда. Это была самая честная фраза за всё время. Мне нужно подумать обо всем, я не могу пока тебе ничего сказать.

— Влад... значит ты мне изменял.

— Агат, я...

Но меня уже было не остановить.

— Нет!

Я почти закричала.

— Не надо!

Слёзы текли по лицу, я уже не пыталась их вытирать.

— Ты молчишь... значит, изменял!

Я уже почти шептала.

— Ты же говорил, что любишь меня.

Он долго молчал, слишком долго, потом тихо сказал:

— Любить — это одно.

Я почувствовала, как сердце пропустило удар.

— А идти против Виктора Сергеевича — совсем другое.

Я тихо рассмеялась сквозь слёзы.

— Какая же я дура...опять поверила в любовь.

— Агат...

— Нет.

Теперь уже нет, после такого предательства, будто и чувства к Владу испарились, осталась только злость внутри и отвращение.

Экран погас, потому что я отключилась первой.

Телефон так и остался в руке. В стекле телефона отразилось моё лицо: распухшие глаза, мокрые щёки. Почти помолвка.

Я положила телефон на ковёр.

Влад оказался ровно тем, кем отец его называл. Это не делало отца правым во всём. Но в этой части он попал, и от этого было особенно мерзко.

Стук в дверь прозвучал тихо. Два коротких удара.

Я замерла.

За дверью стоял Артур. Я знала это без сомнений. Отец не стучал бы, он бы просто вошел без стука.

— Уходи, — прокричала я.

Во мне снова всё вспыхнуло, это из-за него, из-за него отец всё это устроил. Из-за него Влад меня бросил. Из-за него моя жизнь рассыпалась за один вечер.

— Уходи! — закричала я так громко, что сама испугалась собственного голоса.

И тишина...

— Громов! Я серьёзно! Уйди!

— Нет.

Меня буквально затрясло. Я вскочила на ноги.

— Это ты во всём виноват! Если бы не ты... ничего этого не было бы!

Я ударила ладонью по двери.

— Влад бы не ушёл!

Ещё удар.

— Мы бы сейчас были вместе!

Ещё.

— Это всё из-за тебя!

Я уже почти кричала.

— Ты разрушил мою жизнь!

За дверью долго молчали.

Потом Артур тихо сказал:

— Да.

Всего одно слово. Без оправданий. Без попытки защититься.

— Да, я знаю.

От этого стало ещё больнее.

Если бы он начал спорить, я бы нашла, куда ударить.

Если бы приказал открыть дверь, я бы почувствовала себя сильнее.

Но он соглашался. Принимал каждый мой удар. Будто действительно считал, что заслужил их.

— Не стой здесь, мне не нужна твоя жалость!

— Это не жалость.

— Тогда что? Служебная обязанность? Охрана объекта до передачи жениху? Хотя подожди, жених же ты.

Пауза.

— Я заслужил, я должен хоть как-то поддержать тебя.

— Уходи, поддерживальщик — сказала я уже тише.

— Нет.

— Почему?

Он не ответил сразу.

— Потому что ты одна.

Я прижала медведя к лицу.

— Благодаря тебе, между прочим.

— Да, я осознаю, я заслужил всё, что ты сейчас говоришь, — тихо ответил он. — Но ты не должна оставаться одна.

За дверью не было шагов. Только тишина.

Я плакала долго. Сначала зло, потом уже почти без звука, потому что просто обессилила, да и слез уже не осталось. Артур не говорил. Не просил открыть. Не объяснял, что отец прав. Не обещал, что всё будет хорошо.

Он просто стоял там, и я ненавидела, что это помогало.

Глава 3

Утро началось не с кофе, не с круасана в постели.

Я проснулась на полу детской комнаты, щекой на плюшевом медведе. У него на морде осталась чёрная полоса от моей туши. Отлично. Теперь хотя бы кто-то в этом доме выглядел так же достойно, как я.

Шея затекла и болела, пальцы плохо разгибались. Всю ночь я держала медведя за лапу, как будто он мог подтвердить в суде, что вчера отец объявил меня будущей женой Артура Громова, а Влад отказался лезть «в это».

А часть меня всё ещё ждала, что Влад все же перезвонит, объяснит что он сказал мне той ночью, что ошибся, струсил.

Та маленькая часть меня, унижительная, не гордая, которая за ночь успела придумать Владу три оправдания: испугался, не понял, был не один. У неё даже хватило наглости прошептать, что, может быть, утром он всё объяснит и станет не храбрым — нет, хотя бы не окончательно чужим.

Я поднялась с пола, колени хрустнули так, будто мне не двадцать четыре, а все сто двадцать четыре, включая бонусные годы за дурные решения. В зеркале меня встретила женщина, которую лучше было бы не выпускать к людям без предупреждающего знака: волосы выбились из хвоста, глаза опухли, тушь размазалась до скул.

Я умылась холодной водой, это не помогло моему внешнему виду, скорее я просто стала выглядеть менее уголовно.

В шкафу висела мамина блузка, я надела ее, это был: кремовый лён, жемчужные пуговицы, тонкий запах лаванды. Вчерашнее платье лежало на полу чёрным комком и пахло парфюмом Влада, рестораном и тем телефонным молчанием, после которого всё стало окончательно ясно.

Я спустилась к завтраку не потому, что хотела есть.

Просто в этом доме отсутствие за столом тоже считалось репликой, а отец всегда умел отвечать на реплики слишком дорого. Я не стала разжигать костер еще больше, чем вчера.

Думаю, что сегодня мы нормально поговорим, все обсудим.....

На седьмой ступеньке лестница скрипнула. В детстве я была уверена, что под ней живёт гном. Мама поддерживала версию. Отец говорил, что это плохая подгонка доски и мастера надо было уволить.

У каждого в нашей семье была своя магия.

Из столовой пахло кофе с корицей. Мамин кофейник, конечно. Медный, с тёмной ручкой, переживший маму, ремонт, мои подростковые истерики и, вероятно, здравый смысл.

Стол был накрыт на троих.

Отец сидел во главе. Не в халате, не болезненный, не такой как вчера. На нем была голубая рубашка, с закатанными рукавами, ровное лицо, хороший цвет кожи. Он ел тост и выглядел как человек, который отлично выспался после того, как разрушил дочери жизнь.

Напротив него сидел Артур.

Прямая спина, тёмный костюм, чашка кофе перед ним. Он поднял глаза, когда я вошла, и тут же опустил. Не демонстративно. Скорее так, будто смотреть было небезопасно. На полсекунды его взгляд задержался у ворота блузки, в районе груди, у жемчужной пуговицы, и тут же скользнул в тарелку.

Меня это не тронуло.

Почти.

«Смотри сколько хочешь, Громов», — зло подумала я. — «Тебе я всё равно никогда не достанусь».

— Доброе утро, доченька, — сказал отец.

Я села там, где обычно любила, у окна.

— Если оно доброе, я боюсь спрашивать, как выглядит злое.

Отец улыбнулся. Широко, по-домашнему. В его мире сарказм дочери был не сопротивлением, а милой привычкой, которую можно переждать.

— Будешь кофе?

— Спасибо, я сама.

Я налила себе чёрный кофе. Несколько секунд мы изображали идеальный завтрак.

Отец намазывал масло на тост. Артур разрезал омлет с такой точностью, будто от геометрии завтрака зависела безопасность государства.

Свет из окна лежал на столе ровно, и от этого мы втроём — три тёмные головы, светлая скатерть, блузка матери, костюм Громова — выглядели почти семейной фотографией, но только не настоящей, а как в рекламе, где все счастливы.

Неплохой вариант, кстати.

— Надеюсь, ты поспала, — сказал отец.

— Да, на полу, очень освежает.

— Ты всегда умела выбирать неудобные места для протеста.

— Это у нас семейное наверное, ты тоже выбрал странное место для объявления о продаже дочери вчера в кабинете.

Артур едва заметно замер.

Отец нет. Кажется его вообще невозможно было ничем смутить.

Он положил нож на край тарелки и посмотрел на меня с той спокойной внимательностью, от которой в детстве хотелось сразу признаться во всём, даже если виновата была не я.

— Сегодня мы поговорим без истерики.

— Тогда говорите без меня, вот у тебя есть идеальный собеседник, он очень любит диалоги, и говорит всегда так развернуто и интересно.

— Агата.

Одно имя. Тихо. Достаточно, чтобы в столовой стало холоднее.

Я отпила кофе. Обожгла язык и удержалась, чтобы не поморщиться.

— Я пока еще здесь, но разговор не клеится, так что скоро думаю покинуть сие мероприятие — сказала я. — Так что, лучше говори сейчас.

Артур посмотрел на меня снова. На этот раз дольше. Взгляд был усталый, собранный, без привычного ледяного блеска. Под глазами тени, наверное, он тоже не спал.

Надеюсь, ему было также неудобно, как и мне. Надеяться на чужое неудобство мелочно. Но приятно.

Отец откинулся на спинку стула.

— Хорошо. Тогда начнём.

И я поняла, что завтрак был только декорацией. Кофе, корица, мамина скатерть, даже моя блузка, которую я случайно надела — всё это стояло на сцене, чтобы разговор выглядел семейным.

На самом деле это было совещание.

И предметом совещания была я.

— Свадьба через две недели, — сказал отец.

Он произнёс это так, будто называл дату доставки мебели.

Я поставила чашку на блюдце. Фарфор звякнул громче, чем хотелось.

— Повтори еще раз, не расслышала.

— Через две недели.

— Нет, я услышала. Просто надеялась, что при повторе это прозвучит менее безумно.

Отец не разозлился. Это было плохим знаком. Когда он не злился, значит, уже всё решил. Он продолжил несмотря на мои слова.

— Регистрация будет закрытой. С Небольшим кругом гостей. Пресса получит официальный релиз после. Платье выберешь сама, если захочешь. Если нет, стилист привезёт варианты.

— Как заботливо. А ошейник тоже можно выбрать самой, да?

Артур поднял взгляд.

Отец сложил руки на столе.

— Договорной брак, Агата. Это не рабство.

— Разница в шрифтах в договоре?

— Разница в условиях.

Он говорил спокойно, а я чувствовала, как под кожей начинает дрожать злость. Не истерика. Злость.

— После регистрации тридцать процентов холдинга оформляются на тебя отдельным пакетом, — продолжил отец. — Это твоя доля, не подарок и не подачка. Твоё право по крови, как и полагается.

— Как щедро. Сначала ты распоряжаешься моей жизнью, потом даешь кусок наследства и называешь это правом.

— Право требует ответственности.

— А ответственность у нас теперь выглядит как муж, выбранный отцом.

— Ответственность выглядит как семья, которая не разваливается, когда меня не станет. Вот оно.

Болезнь легла на стол между кофе и круассанами. Отец умел использовать даже собственную смерть так, будто это был юридический инструмент.

Я посмотрела на него внимательнее.

Сегодня он выглядел слишком живым. Щёки не впали, рука не дрожала, дыхание ровное. Вчера у камина он был почти прозрачным. Сегодня мог бы провести совет директоров и раздавить половину рынка до обеда. Сомнения на счет болезни закрались в моей голове.

— Тебе правда настолько плохо? — спросила я.

В столовой стало тихо.

Артур перестал резать омлет.

Отец смотрел на меня без улыбки.

— Достаточно, чтобы не тратить время на детские торги.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который ты получишь за завтраком.

Я усмехнулась.

— Значит, торговаться всё-таки можно. Просто не мне.

— Тебе можно выбрать, как ты войдёшь в этот брак. С достоинством или после того, как измотаешь всех вокруг.

— А не входить, есть вариант?

— Нет.

Коротко. Честно. Почти освежает.

— Тогда месяц, — сказала я. — Дайте мне месяц. Не две недели. Я должна подумать, поговорить с юристом, понять, что происходит.

— Юрист будет сегодня.

— Мне нужен мой юрист.

— У тебя нет юриста.

— Тогда надо будет завести на днях. Говорят, взрослые люди иногда так делают, когда их пытаются выдать замуж по договору.

Глава 3.1.

Отец снова улыбнулся, но теперь улыбка стала тоньше.

— Месяца нет.

— Господи, да дай мне неделю, чтобы просто не чувствовать себя скотом на рынке.

Артур тихо поставил приборы на тарелку.

Отец услышал. Я тоже.

— Две недели, — сказал отец. — Это моя уступка.

Я рассмеялась.

Смех получился некрасивый, сухой.

— Уступка? Папа, ты сейчас обсуждаешь мою свадьбу с женщиной, который сидит за этим столом и молчит. Ты назначаешь дату, проценты, гостей, юриста. И называешь уступкой то, что даёшь мне четырнадцать дней, чтобы привыкнуть к мысли, что я больше не человек, а актив с наследственным потенциалом.

— Следи за словами.

— А ты за смыслом.

Он посмотрел на меня так, что раньше я бы замолчала.

Раньше.

— Все, мне это уже надоело, я ухожу, — сказала я. — Из дома, из холдинга, от тебя. Сниму квартиру, буду работать, жить на зарплату. Да, возможно, плохо. Зато сама.

— На какую зарплату?

— На свою.

— В приюте, который держится на моих пожертвованиях?

Удар был точный. Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось, но не позволила лицу измениться.

— Вы и животных приплетёте?

— Я называю реальность. Твой университет, твоя квартира, твоё авто, твои проекты, твои связи. Всё это существует, потому что я поставил под этим свою подпись. Без неё люди быстро вспомнят, что ты не самостоятельная женщина, а дочь Виктора Сергеевича без его поддержки.

— То есть никто.

— То есть человек, который очень быстро поймёт цену словам.

Я встала.

Стул отъехал по паркету.

— Спасибо. Завтрак был мега познавательный.

— Сядь.

— Нет.

— Агата.

— Я сказала нет.

В этот момент Артур заговорил.

— Виктор Сергеевич.

Голос был тихий, но в столовой его услышали сразу. Отец повернул голову медленно. Я тоже посмотрела на Громова.

Он сидел всё так же прямо, только пальцы на краю стола побелели.

— Дайте ей время, — сказал Артур.

Не громко. Не героически. Без красивой позы.

И всё равно воздух изменился.

Я уставилась на него. Хотела найти подвох, инструкцию от отца, какой-нибудь расчёт. Но Артур смотрел не на меня. На Виктора Сергеевича. Хотя на полсекунды, перед тем как заговорить, он всё-таки посмотрел на меня — и в этом коротком взгляде было что-то, что я не ожидала увидеть в глазах человека, который сидит по эту сторону стола.

Отец долго молчал.

— Тебе тоже нужно время? — спросил он наконец.

— Нет, не мне, ей нужно.

Одно слово.

Сухое, упрямое.

Я ненавидела, что оно прозвучало за меня. И ещё сильнее ненавидела, что на секунду стало легче.

Отец взял чашку, отпил кофе и поставил её обратно точно в центр блюда.

— Нет, — сказал он. — Время закончилось вчера.

Тогда Артур поставил приборы. Осторожно, чтобы звук не был вызовом. Получилось всё равно вызовом.

— Дайте ей время, ей это необходимо.

Отец посмотрел на Артура так, будто впервые увидел в нём не сотрудника.

А человека, который осмелился выйти из-под его власти.

И я вдруг поняла: сейчас могу пострадать не я, а Громов.

Артур выдержал взгляд и не добавил ничего лишнего.

Одной фразы уже было достаточно, чтобы перейти черту.

Виктор Сергеевич услышал просьбу Артура и мысленно отметил её.

Не как ошибку. Как симптом.

Мальчик вырос, стал мужчиной, научился вести переговоры, закрывать сделки и держать удар. Но рядом с Агатой в нём всё ещё просыпалась слабость, которую Виктор Сергеевич когда-то счёл бы трогательной, а теперь был вынужден учитывать как риск.

— Нет, — сказал он вслух.

И посмотрел на дочь.

Пусть злится. Злость быстрее приводит человека туда, куда его всё равно ведут.

— Я не выйду за него замуж, ты не имеешь права манипулировать мной через свою болезнь, — повторила я.

Отец посмотрел на меня так, будто я неправильно ответила на простой вопрос.

— Ты сейчас на эмоциях.

— Какая неожиданность. Девушка, которую только что попытались выдать замуж как приложение к пакету акций, испытывает эмоции. Срочно вызовите юриста, пусть оформит это, задокументирует.

— Сарказм не делает тебя свободной.

— А твой договор делает?

Он положил салфетку на стол. Ровно, угол к углу. Даже в скандале отец умел быть аккуратным до тошноты.

— Если ты отказываешься, последствия будут немедленными и начнутся они сегодня.

— Какие последствия?

Он спокойно посмотрел на меня.

И ответил всего одной фразой:

— Сейчас узнаешь.

Глава 3.2.

— Вот теперь похоже на семейный завтрак, начались угрозы.

— Если не согласишься, карты я заблокирую сегодня же. Квартира на Патриарших оформлена на компанию, доступ закроют до вечера. Машину вернёшь, с приютом я поговорю отдельно.

Я сжала край стула.

— Только попробуй тронуть приют.

— Я не трогаю. Я прекращаю финансирование проектов, которыми ты больше не занимаешься от имени семьи.

— То есть наказываете кошек за то, что я не хочу замуж.

— Я показываю тебе, сколько в твоей жизни держится на моей фамилии.

— На маминой тоже.

Впервые за всё утро он изменился в лице.

Немного. Достаточно.

— Не используй её.

— Это ты используешь всё подряд. Болезнь, наследство, своего цербера, меня.

— Агата, — сказал он.

Я повернулась к нему.

— Что? Тоже объяснишь мне реальность? У тебя, кажется, сегодня роль переводчика с отцовского на человеческий.

Он принял удар молча.

— Не уезжай сейчас, — сказал он. — Ты не в состоянии.

— А в каком состоянии нужно быть, чтобы уйти из собственного дома? Трезвой, выпавшейся, с подписанным разрешением?

— Хотя бы с планом.

— План уже был, — сказала я. — Его звали Влад, и вы с папой вчера очень профессионально объяснили ему, что планы рядом со мной долго не живут.

Артур не изменился в лице. Только челюсть стала жёстче, будто имя Влада попало не в воздух, а прямо под кожу.

Вот оно.

Не ревность, конечно. Какая ревность у человека, который женится по приказу? Просто отцовская программа зачистки территории: неподходящие мужчины, слабые связи, лишние свидетели.

Влад оказался трусом. Но даже трусов, видимо, нужно было убрать красиво.

— План простой. Любое место, где меня не обсуждают за завтраком.

Отец усмехнулся.

— Езжай, через неделю всё равно вернёшься.

Я посмотрела на него. Он не угрожал, он просто был уверен в этом. Он действительно считал, что я вернусь. Что мир за воротами быстро поставит меня на колени, и я приползу обратно, уже удобная, тихая, с ручкой для подписи в зубах.

Странно, но именно это меня успокоило, не полностью конечно, внутри всё ещё тряслось, во рту стоял вкус горелого кофе, сердце било слишком быстро. Но поверх паники легла ясная, холодная мысль: если останусь сейчас, он победит не через две недели, а прямо сейчас.

Я взяла мамину чашку с тонкой золотой каёмкой.

Несколько секунд держала её в руке. Отец пристально смотрел. Артур тоже. Кажется, оба решили, что я сейчас швырну фарфор в стену.

Хотелось, прям очень, до того, что руки так и чесались. Но я заставила себя сделать над собой усилие. Медленно, с холодным и пугающим достоинством я вернула чашку на блюдце — фарфор даже не издал звука. Расправила плечи, напустила на себя маску абсолютной, ледяной невозмутимости и, уронила тихо, но чеканно:

— Не дождётесь, — сказала я.

И медленно пошла к выходу.

— Агата, — голос отца догнал меня у двери столовой. — Если сейчас выйдешь, назад вернёшься уже на моих условиях.

Я обернулась плавно.

— Папа, я с рождения живу на твоих условиях. Ты просто сегодня забыл это замаскировать любовью.

Он молчал.

Артур сделал шаг, но остановился, когда я посмотрела на него.

— Не надо, — сказала я.

— Я могу вызвать машину.

— Свою я тоже могу, пока телефон ещё не отобрали.

Он кивнул.

Достала из клатча ключ от дома и положила его на столик.

Он звякнул тихо. Слишком тихо для такого серьезного, даже пафосного жеста.

Краем глаза я увидела, что Артур остановился у двери в столовую. Сделал полшага, как будто хотел выйти за мной, и остановился. Взгляд на ключе. Челюсть напряглась. Потом он отвёл глаза, и я поняла: он не пошёл следом не потому, что не имел права, а потому, что это было бы слишком похоже на погоню.

На улице пахло мокрым асфальтом. Мартовский воздух ударил по лицу, и я наконец вдохнула нормально.

Руки дрожали, пока я вызывала такси. Приложение дважды зависло. Видимо, даже техника считала, что побег из родительского дома должен быть организован лучше.

Я набрала Катю.

Она ответила не сразу. На третьем гудке, сонная и злая.

— Катя, если ты умерла, я тебя убью. — Кать, ну наконец...

Пауза.

— Что случилось?

— Я уехала из дома.

— Куда? Ты где?

Я посмотрела на приложение. Машина будет через шесть минут.

Куда?

К себе нельзя. Квартира отца. К Владу теперь тоже нельзя. И всё равно пальцы на секунду сами нашли его имя в недавних, будто телефон был глупее меня и ещё не понял, что ждать больше нечего. К Кате можно, я у нее частенько оставалась на ночевку, но если я сейчас приеду к ней, она завернёт меня в плед, напоит чаем, и я расплачусь так, что уже не смогу злиться.

А злость была единственным, что держало меня вертикально.

— В «Рай», — сказала я.

— В клуб?

— Да.

— Сейчас же утро.

— Значит, к ночи как раз дозрею до плохих решений.

— Агата.

— Мне нужно куда-то, где громко, подальше от своих мыслей.

Катя выдохнула в трубку.

— Скинь гео. Я приеду.

— Не надо.

— Давай, давай, это не обсуждается.

— Ты звучишь как мой отец.

— А ты сейчас звучишь как человек, которому нельзя быть одной. Я жду от тебя гео, Агат.

Я отправила.

Такси подъехало к воротам. Обычная машина, обычный водитель, обычный салон с пахучкой «морской бриз», которая пахла чем угодно, кроме моря.

Я села назад и закрыла дверь.

Дом остался за стеклом: строгий, светлый, спокойный. В окне столовой мелькнула фигура. Не знаю, отец или Артур.

Я не стала смотреть дальше.

— На Патриаршие, клуб «Рай», — сказала я водителю.

— Сейчас? Он же вечером открывается.

— Тогда покатаемся немного.

Водитель посмотрел на меня в зеркало и решил не задавать вопросов. Умный человек. Машина тронулась.

Я откинулась на спинку сиденья, сжала телефон в руке и вдруг поняла, что плачу. Без звука, без красивого надрыва. Просто слёзы текли, а я смотрела на мокрую Москву за окном и думала, что свобода, оказывается, может начинаться с тошнотворного запаха дешёвой автомобильной ёлочки.

Это был тоже не такой уж и плохой вариант.

Виктор Сергеевич не пошёл за дочерью.

Он остался за столом, пока хлопнула входная дверь, пока в холле стихли шаги, пока дом снова стал похож на дом, где ничего не случилось.

На скатерти остывал кофе. Чашка Агаты стояла целая. Это было неожиданно. Он почти рассчитывал на осколки.

— Она вернётся, тебе не нужно за ней ехать — сказал он.

Артур стоял у окна и смотрел на подъездную дорожку.

— Возможно, — ответил он.

Виктор Сергеевич повернул голову.

Не «да». Не «конечно». Не даже молчание.

Возможно.

Симптом, отметил он снова. Риск. И, может быть, единственный рычаг, который ещё сработает, если Агата решит не возвращаться слишком долго.

Артур ещё несколько секунд смотрел в окно, машина Агаты уже скрылась за деревьями, Артур продолжал смотреть ей вслед.

Потом тихо произнёс:

— Если сейчас её оставить одну... может случится беда.

Он схватил ключи.

И, впервые нарушив приказ Виктора Сергеевича, выехал вслед за ней.

Глава 4

Клуб назывался «Рай».

Очень смешно, если знать, в каком состоянии я туда приехала.

Такси высадило меня у неоновой вывески. Водитель дважды спросил, точно ли мне сюда, и на второй раз я ответила так вежливо, что он больше не рискнул спрашивать. У входа курили две девушки в коротких платьях. Одна смеялась в телефон, другая поправляла помаду в маленьком зеркале. Никто из них не знал, что час назад отец объявил меня будущей женой своего цербера, а мой почти-жених по телефону выбрал не меня.

Внутри пахло сладкими духами, кальяном, алкоголем и чужим счастьем.

Я села у стойки, потому что стоять уже было сложно. На мне была мамина блузка: кремовый лён, жемчужные пуговицы, слишком нежная вещь для места, где бас бил в грудную клетку, а свет резал лица на красные и синие куски.

— Что будете? — спросил бармен.

— Виски.

— Какой?

Я посмотрела на него.

— Такой, чтобы помог.

Первый бокал обжёг горло. Второй пошёл легче. Я платила наличными из клатча: мятые купюры, которые когда-то зашила за подкладку ещё давно, в школе, когда отец решил, что мои личные деньги — это «ненужная привычка». Он отучил меня от многого. Но не от всего.

Зал плыл не от алкоголя, а от света. У стены целовалась пара. Кто-то смеялся, кто-то снимал сторис, кто-то танцевал так, словно завтра не будет ничего подобного как у меня, например, отцов, контрактов, ни свадеб через две недели.

Все были парами, и это чувствовалось, а я одна посреди этого тёплого приюта, как выдернутая из розетки.

Раньше я бы отправила Владу видео и написала: «Смотри, какие милые».

Он бы прислал сердечко.

Может быть, даже не мне одной, понимаю я только сейчас.

У барной стойки кто-то обернулся — высокий, в тёмной рубашке, с похожим разворотом плеч, и сердце у меня дёрнулось раньше, чем голова сказала «нет, не он». Это был не Артур, и от этого сразу стало стыдно: мало мне было вчерашнего, я теперь ловлю его силуэт в каждом третьем мужчине.

Я сделала ещё глоток.

Слёзы пошли неожиданно, вместе с кашлем от виски. Я вытерла лицо тыльной стороной ладони. Бармен молча поставил рядом салфетку.

Спасибо, незнакомый человек. В клубе всем плевать, что ты плачешь, но салфетку всё-таки дают.

Телефон завибрировал на стойке.

Звонила Катя. Я не ответила. Через минуту снова звонок. Потом сообщение: «Ты где?»

Потом: «Агата, не беси меня, давай говори, я щас приеду».

Потом: «Все, вижу гео, еду».

Третий бокал мне уже не налили.

— Девушка, вам хватит, — сказал бармен.

— Вы все сегодня такие смелые, — ответила я. — Один женит, второй бросает, третий виски не наливает.

Он отодвинул бутылку, так ничего мне не ответив.

В этот момент рядом появилась Катя.

В пальто поверх домашней футболки, в кроссовках, с волосами, собранными как попало. Она выглядела так, будто собиралась за три минуты и по дороге мысленно убила уже человек пять.

— Агата.

— Нет, не смотри на меня так.

— Я ещё ничего даже не сказала.

— Всё равно не смотри.

Она села рядом, сняла пальто и попросила воду.

— Поехали ко мне, — сказала Катя. — Утром разберёмся.

— Моя жизнь закончена, утром отец позвонит юристу. Юрист составит договор, в котором будет — вся моя оставшаяся жизнь.

— Агат... может все образумится.

— Нет, он заблокирует все карты, квартиру, работу, всех знакомых, которые ещё помнят, что я существую не как приложение к его фамилии. Влад вообще козел, сказал что не полезет в это.

Катя сжала стакан воды так, что костяшки побелели.

— Так и сказал? Вот урод.

Я усмехнулась.

— Да, представляешь, он не полезет в это. В меня, значит, можно было. В мою жизнь — можно. В мои деньги — можно. А в это он не полезет.

Катя выдохнула сквозь зубы.

— Скотина.

— Да. Но знаешь, что самое смешное? Я всё равно ждала, что он передумает. Что перезвонит. Что скажет: «Малыш, я сейчас приеду». Я сидела в такси и смотрела на телефон как идиотка.

— Ты не идиотка.

— Нет, Катя. Надо признать правду и назвать уже вещи своими именами.

Она хотела возразить, но промолчала. Именно это мне и нравилось в Кате, она хорошая подруга, которая знает, когда спасать, а когда просто сидеть рядом, пока человек сам допивает свою катастрофу.

— Мне ещё один, — сказала я бармену.

— Нет, — сказала Катя одновременно с барменом.

Я повернулась к ней.

— Пожалуйста. Мне сегодня жизненно необходимо выпить, тем более, клуб так и кричит это своим названием, пусть это клуб унесет меня в рай.

Катя смотрела долго, как на сумасшедшую. Потом взяла салфетку и промокнула мне щеку. Осторожно, как мама делала в детстве, если я разбивала коленку и злилась на весь мир.

— Ладно, — сказала она. — Только давай не залпом, помедленнее.

Я рассмеялась, смех вышел некрасивый, отчаянный.

Бармен, видимо, пожалел нас обеих и налил не виски, а что-то слабее. Я заметила, но спорить не стала.

— За что пьём? — спросила Катя.

Я посмотрела на танцпол. На чужие руки, чужие губы, чужую свободу.

— За свободу, — сказала я. — Которой у меня сегодня официально не осталось, у меня папа монстр, его цербер тоже.....

Я вышла на танцпол, сидеть уже не могла, не могу сидеть так, когда на меня смотрят сочувствующим лицом бармен, Катя, пару человек за столиками, которые во мне уже дыру прожгли, эмоции вырывались наружу, хотелось выплеснуть все то, что сидит у меня внутри, бесится, кататься по полу даже возможно, я уже была в отчаянии. На танцполе думать не получалось: бас бил по рёбрам, свет слепил, чужие тела двигались рядом, не спрашивая, кто ты и почему у тебя тушь на щеках.

Я вошла в музыку как в горячую воду, я не старалась танцевать красиво, получалось не в ритм, плечи вперед, волосы назад, руки вообще существовали как попало, ха, видела бы сейчас меня моя мама, прости мам, по-другому не получится, не получится красиво, хоть я и была в твоей аристократичной красивой блузке.

Сегодня точно не получится держать лицо, вести себя элегантно, сдержанно.

Катя держалась рядом. Я чувствовала её даже сквозь музыку: тёплое плечо, духи с ароматом яблока, осторожное «Агат» где-то на краю слуха. Она не хватала меня, не тащила к выходу. Просто была достаточно близко, чтобы я не пропала в толпе.

— Эй, красивая.

Голос справа. Молодой, пьяный, уверенный в себе.

Я не повернулась.

— Девушка, можно вас?

Теперь пришлось повернуться, а он настойчивый.

Парень был примерно моего возраста, в расстёгнутой рубашке и с цепочкой на загорелой шее. У Влада была похожая. Или мне уже всё казалось похожим на Влада, потому что мозг решил добить меня ассоциациями.

— Потанцуем крошка ? — спросил парень.

Он улыбался легко. Так улыбаются люди, у которых в телефоне никто не бросал трубку, дома никто не ждёт с брачным договором, а слово «папа» не звучит как приговор.

— Нет.

Улыбка зависла.

— Нет — это как?

— Нет, значит нет, не со мной.

Он поднял руки, отступая.

— Понял. Без проблем.

Хороший мальчик. Быстро учится.

Я снова повернулась к музыке.

— Агат, — Катя коснулась моего локтя. — Хватит. Пойдём.

— Не хочу.

— Ты уже еле стоишь.

— Зато стою.

— Это не аргумент.

— Сегодня у меня вообще плохо с аргументами, они закончились у отца.

Она взяла меня крепче. Я выдернула руку.

Просто если бы позволила сейчас кому-то вести меня, пусть даже Кате, то окончательно развалилась бы.

Я сделала шаг назад, в музыку, в свет, в эту чужую толпу, где никто не знал, что меня собираются выдать замуж как часть сделки.

И тогда подняла голову.

В дверях клуба стоял Артур.

Один.

Без охраны, без отцовского голоса за спиной, без привычной рамки кабинета или машины. Тёмное пальто, белая рубашка, расстёгнутый ворот. Он стоял посреди прохода так, будто шум, свет и чужие тела были не препятствием, а просто плохо организованным коридором.

Он смотрел на меня.

Через весь зал.

Я не слышала, что сказала Катя. Не чувствовала её руки на плече. Музыка продолжала греметь, люди продолжали двигаться, кто-то рядом смеялся прямо мне в ухо. Всё это в одну секунду стало очень далёким — как звук за двойным стеклом.

А я смотрела на Громова.

Нашёл.

Конечно, нашёл.

Я же дочь Виктора Сергеевича, объект наблюдения, проблема с ногами, которую нужно доставить обратно в коробку. У таких, как он, всегда есть камеры, люди, звонки, доступы. Он мог найти меня где угодно.

Но почему-то от этой мысли стало не только зло.

Стало ещё и страшно.

Потому что где-то под злостью пряталось другое: облегчение, настолько предательское, что я тут же попыталась его задушить.

Он сделал шаг в зал.

Я выпрямилась.

Не отступать. Не плакать. Не показывать, что ноги стали ватными.

Между нами было метров тридцать: танцпол, чужие плечи, дым, свет, две девушки с бокалами, парень, который только что звал меня танцевать. Всё это вдруг стало тонким, прозрачным.

Громов шёл прямо ко мне.

Катя встала передо мной на полшага.

— Это он? — спросила она.

— Да.

— Хочешь, я его пошлю?

Глава 4.1.

Я почти рассмеялась.

— Он не уйдёт.

— Все уходят, если правильно послать.

Но Артур уже был близко.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки. Не навис, не схватил сразу, не начал читать лекцию. Просто посмотрел мне в лицо.

Кажется, я впервые увидела, как у него меняется взгляд.

Не сильно. Не драматично. Но с холодного рабочего — на какой-то другой, более тёмный и усталый.

— Идём, — сказал он.

Одно слово. Ровно. Без угрозы.

Я усмехнулась.

— Даже «пожалуйста» не будет?

— Пожалуйста.

Вот теперь смешно.

— Я не хочу.

— Знаю.

— И всё равно прикажешь?

Он помолчал секунду.

— Нет. Но если останешься, через десять минут тебе будет хуже. Через час — опасно. Утром ты возненавидишь себя за это место. Пойдём.

Катя посмотрела на меня. В её глазах было то самое: решай сама, но, пожалуйста, реши не умереть здесь от гордости.

Я ненавидела их обоих за то, что они правы.

Артур протянул руку. Не к моей ладони. К локтю, осторожно, оставляя мне секунду отступить.

Я не отступила.

Его пальцы легли на ткань блузки. Горячие. Сухие. Тепло прошло через лён, через кожу, куда-то глубже, чем должно было. Я задержала дыхание, надеясь, что он этого не заметил.

— Кать, — сказала я, не сводя глаз с Артура. — Я напишу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.